

*Вячеслав Шпаковский,
кандидат исторических наук, доцент*

ОСАДА ЗАМКА В ОСАКЕ

ОСАКА: ДВЕ БИТВЫ СРЕДИ РИСОВЫХ ПОЛЕЙ

После битвы при Сэкигахаре, случившейся в сентябре 1600 года, клан Тоётоми утратил свое бывшее могущество, но Тоётоми Хидэёри — сын бывшего правителя страны Хидэёси — по-прежнему считался его наследником и потенциальным правителем Японии, а, кроме того, его семья оставалась одной из самых богатых. Большинство из даймё — японских князей — считали, что победившему в битве Токугава Иэясу следует поддержать Хидэёри хотя бы уже потому, что он обещал это его отцу и как самурай должен был сдерживать свое обещание.

Однако в 1603 году Иэясу был провозглашен сёгуном, то есть сделался официальным главой всего сословия самураев, обязанных во всем подчиняться его приказам. Естественно, что такая власть не располагает к тому, чтобы делиться ей с кем бы то ни было, и Токугава Иэясу решил сделать так, чтобы Хидэёри уже никогда не сумел бы получить в руки власть, доставшуюся ему от отца, — то есть уничтожить его вместе со всеми сторонниками. Чтобы усыпить бдительность Тоётоми, он даже женил его на своей внучке. Зато в 1605 году он объявил своего старшего сына Хидэтада своим наследником, дав понять, что титул сёгуна отныне становится наследственным и уже не уйдет из его семьи никуда! Естественно, что Тоётоми выразили ему протест, но... слова в данном случае остались словами. В воздухе со всей очевидностью снова запахло войной, но Иэясу не торопился наносить решающий удар вплоть до 1614 года, когда в Осаке уже открыто объявили набор ронинов (самураев, потерявших своего князя), то есть формально и по сути первыми совершили поступок, означавший начало враждебных действий против Иэясу Токугава, который в свою очередь очень тщательно, но не так очевидно тоже готовился к решающей схватке за власть. *О битве при Сэкигахаре читайте в НtТ № 9, 2009 г.*

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ

Итак, в 1603 году Токугава Иэясу был провозглашен сёгуном, получив высшую должность в государстве, остававшуюся вакантной с той поры, как за тридцать лет до этого полководец

Ода Набунага низложил Асикага Есиаки. Ну, а «предатель с горы Мацуо» — Кобаякава Хидэаки — хотя и получил все, что он хотел, однако недолго наслаждался своим богатством, так как спустя всего два года сошел с ума и умер. Все понимали, что его предательство разрушило коалицию «западных» и тем спасло империю от повторения ужасов многолетней гражданской войны, но вряд ли в тогдашней Японии нашелся бы хоть один самурай, который его не осуждал. И, видимо, читая немой укор в глазах у своих вассалов, Кобаякава и не выдержал.

Исида Мицунари вскоре после битвы поймали и — так как он не сумел покончить с собой, как это предписывалось традицией, — отрубили голову подобно преступнику. Таким образом, ни у кого, кроме как у Токугава, больше не было равной ему власти в стране. Однако Тоётоми Хидэёри — сын Хидэёси, по-прежнему считался потенциальным правителем Японии, а его семья являлась одной из самых богатых и влиятельных в стране. При этом большинство князей продолжало считать, что сёгунат Токугава — явление временное. Правда, Исида Мицунари своими действиями несколько подпортил отношение к Тоётоми со стороны участников битвы при Сэкигахара, но тем не менее деяние слуги не ставилось в вину господину. К тому же Хидэёри был молод, а Токугава стар. Следовательно, молодой господин должен был в любом случае быть лучше старшего, хотя бы уже в силу собственной неопытности, — рассуждали даймё.

И надо отдать должное Токугава Иэясу, что все это он очень хорошо понимал, но при этом не спешил форсировать события. Другой на его месте, получив власть, постарался бы ее тут же упрочить, сосредоточив в единых — своих собственных — руках! Но Иэясу был выше подобных мелочных расчетов. «Терпение, терпение и еще раз терпение!» — вот лозунг, который он начертал на своих знаменах (разумеется, иносказательно), и теперь неуклонно следовал по этому пути.

«Неторопливость — свойство дьявола», — говорит испанская пословица, и, надо заметить, Токугава в максимальной степени воспользовался этим дьявольским качеством. Мы уже знаем, что для того чтобы усыпить бдительность клана Тоётоми, Токугава Иэясу женил Хидэёри на своей внучке и таким образом породнился с человеком, которого сам люто ненавидел. Затем он

Схема замка Осака. По периметру стен располагаются башни ягура (в переводе - «хранилище для стрел»). Они являлись наблюдательными пунктами и местом хранения оружия, снаряжения и продовольствия

решил разорить его, прибегнув для этого к широкомасштабной акции по строительству замков по всей территории Японии. Даймё было предложено построить себе новые замки или укрепить старые — и те, конечно же, поспешили начать строительство, в результате чего архитектура Японии обогатилась, а очень многие из них вконец обанкротились! Однако клан Тоётоми оказался так богат, что, даже перестроив свой замок в Осаке, беднее не стал, что тут же подтолкнуло Иэясу к новым — причем весьма хитроумным — действиям.

Вспомнив, что мечи, конфискованные у простолюдинов во время объявленной Хидэёси «охоты за мечами» в 1588 г., были расплавлены и превращены в гвозди и болты для сооружения гигантской статуи Будды «во благо всей нации», Иэясу предложил Тоётоми закончить столь богоугодное дело. Сама эта статуя была полностью уничтожена землетрясением 1596 г., и Хидэёси вплоть до самой своей смерти мечтал о том, чтобы ее восстановить. И Хидэёри, и его мать Едогими, с которой он привык во всем советоваться, посчитали, что да, конечно, именно так и нужно умиротворить дух их отца и мужа. Однако, когда в 1602 г. статуя была восстановлена уже до уровня шеи, каким-то образом загорелись окружавшие ее леса, и вся работа была уничтожена. Правда, в 1608 г. работы вновь возобновились, а так как занято на них было 100000 человек, и всех их требовалось кормить, то... можно себе представить, какой урон при этом понесли финансы Хидэёри, как бы ни были они безмерно велики.

В 1611 г. Иэясу уже лично встретился с Хидэёри в замке Фусими и понял, что когда-то маленький мальчик давно уже вырос и превратился в мужчину, вполне способного претендовать на власть. После этого дни его, можно сказать, было сочтены, а сам Иэясу начал форсировать события.

В 1614 г. он посетовал на то, что в надписи, сделанной на огромном колоколе весом в 72 тонны для храма погибшего Будды, против него, Иэясу, было зашифровано проклятие. Сама по себе фраза на колоколе была совсем невинной: «Да будет государство мирным и процветающим», или по-китайски «кокка анко». Но

все дело в том, что иероглифы, которыми она была написана, включали знаки «иэ» и «ясу» (соответственно «ка» и «ко» на китайском) — и вот они-то и, получается, имя Иэясу, оказались разорванными на две части, что, по его мнению, как раз и означало для него беду! Другая фраза — «На Востоке оно приветствует бледную луну, а на Западе прощается с заходящим солнцем» — была также воспринята как намек на то, что Иэясу в Эдо на Востоке стоит рангом ниже, чем Хидэёри в Осаке на Западе. Одновременно пошли слухи о том, что Хидэёри собирает ронинов, посему уже к осени стало очевидно, что разрыв и война между ними неизбежны.

Сам Хидэёри сначала не придал всему этому значения, причем в такой степени, что даже отказался от партии пороха, который был, разумеется, тут же куплен Иэясу. Потом он купил еще и четыре 18-фунтовых английских орудия и одну 5-фунтовую пуш-

Угловая башня Инуи на северо-западном углу внешней стены. Внешний ров

ку. А уже вскоре, всего лишь между июнем и октябрём, цены на английский порох в Японии поднялась на целых 60%, в то время как к декабрю стоимость низкокачественного японского пороха в четыре раза превысила цену английского пороха в марте!

Понимая, что войны уже не избежать, Хидэёри обратился за помощью ко всем великим даймё, но за четырнадцать лет сёгуната Иэясу все настолько изменилось, что ему никто не ответил. Однако среди участников битвы при Сэкигахара нашлось немало тех, кто был наказан конфискацией своих земель и потому затаивших злобу на Токугава. Среди них были Оно Харунага и его брат Харифуса, Кимура Сигэнари, брат Ода Кабунага — Ода Юраку, Тосокабэ Морисигэ и, наконец, Санада Юкимура. Именно он накануне битвы при Сэкигахара задержал сына Иэясу Хидэтада возле стен своего замка и не дал ему вовремя прибыть к отцу. Его считали талантливым военачальником, и потому Хидэёри назначил его главнокомандующим своими войсками.

Удивительно, но среди защитников осакской твердыни оказалось очень много христиан, что придало борьбе с Иэясу своеобразный характер «войны за веру». Впрочем, причина этого вполне понятна, поскольку было хорошо известно, что сын и на-

следник Иэясу Хидэтада не терпит христиан, так что пока их обоих еще можно было хотя бы как-то остановить, это следовало сделать.

Что же касается самого замка Хидэёри в Осаке, то он, бесспорно, был самой мощной крепостью средневековой Японии. В то время море было ближе к нему, чем сейчас, и охватывало его полукольцом с запада. Протекавшие здесь через рисовые поля реки Тэмма, Едо и Ямато превращали всю местность в запутанную сеть маленьких островков, между которыми тянулись сплошные залитые водой поля. Сам замок был окружен двумя рвами и массивными стенами высотой в 40 метров! Эти стены сохранились до сих пор, а вот цитадель была восстановлена уже после Второй мировой войны. Впрочем, в 1614 году она была еще чисто военным сооружением, а все жилые покои располагались в помещениях за внутренними стенами.

Одной из оригинальных особенностей японских замков было то, что никаким артиллерийским огнем разрушить их стены было невозможно, потому что складывались они из огромных камней, которые укладывались в стену друг на друга с таким наклоном, чтобы выдержать любое, даже самое сильное землетрясение. Во время строительства осакского замка даймё соперничали между собой, желая подарить всеильному Хидэёси самый большой камень, причем их прибытие было всегда праздником, а сами камни при этом украшались гирляндами из флажков и предметами религиозного культа, как если бы они представляли собой некое переносное святилище. Огромные камни до сих пор привлекают внимание туристов в Осаке, однако многие из них, как бы они велики не казались, на самом деле имели довольно небольшую толщину. Впрочем, даже и в этом случае разрушить стены, сложенные из таких вот валунов, было совершенно невозможно — это все равно, что обстреливать горный склон. Но вот взобраться на такую стену большого труда не составляло, так как ее наклон, а также щели между камнями, неплотно пригнанными друг к другу, давали хорошую опору и рукам и ногам.

Готовясь к будущей осаде, Хидэёри еще больше укрепил замок, окружив его дополнительными рвами шириной 80 метров и глубиной 12, заполненными водой на 4-8 метров глубины! Позади этого рва была еще и стена высотой в 3 метра с установленной поверх нее крыши и бойницами для стрелков, вооруженных как луками, так и огнестрельным оружием. Перед воротами замка Хатомэ Санада Юкимура выстроил дополнительный бастион, получивший название бастиона Санада, также со рвом, хотя и сухим, и частоколом в три ряда: перед ним, позади и даже на самом дне рва! Защитники замка располагали артиллерией, купленной Хидэёри у голландцев, а каждые сто метров на стенах стояли еще и огнеметные баллисты. Гарнизон Осаки насчитывал до 90000 человек.

Внутренний ров и стена замка Осака, за которыми видна центральная башня - тэнсю (тэнсюкаку). Она являлась последним укрытием для осажденных и жилищем даймё и его семьи. Поскольку укладывались камни без связующего раствора, то угол наклона стен был довольно значительный

Вид на стену, сложенную из огромных камней, и главную башню замка. Нельзя не удивляться поистине огромным размерам каменных глыб, из которых были сложены стены осакского замка

2 ноября 1614 г. Иэясу приказал Хидэтада мобилизовать все войска, находившиеся вокруг его замка в Эдо, и точно такой же приказ получили и находившиеся там даймё. Его пятый сын Есиноа подждал с 15000 солдат в районе нового замка Нагоя. Потом войска начали покидать Эдо: Хидэтада с 50000 человек, Датэ Масамунэ, знаменитый «Одноглазый Дракон», с 10000, Усэсуги Кагэкацу, окончательно покорившийся Иэясу, с 5000 и Сатакэ с 1500. Вскоре вся Восточная армия численностью в 180000 человек — ровно в два раза больше, чем находилось в Осаке — собралась неподалеку от замка и была готова ринуться на штурм.

ПРИКАЗЫ ИЭЯСУ

Многие думают, что войско самураев, будучи рыцарским по своей основе, представляло собой ту же вольницу, что и в Европе. Однако и в Европе, и в Японии в XVII в. положение сильно изменилось. До нас дошли приказы Иэясу Токугава, изданные им в походе в 1590 г. Вряд ли он поступал иначе и в 1615-ом...

«Если кто-либо отправится на разведку без приказа, он будет наказан. Если кто-либо вырвется вперед, даже для того, чтобы совершить подвиг... он и вся его семья будут наказаны. Всякий, кто окажется в другом отряде (на марше) без уважительной причины, будет лишен коня и оружия. Когда войска находятся на марше, все флаги, ружья, луки и копья следует нести в соответствии с правилами. Длинные копья не следует нести с собой, кроме как в строю».

Завершается список приказов такими словами:

«Да будут все боги Японии, большие и малые, наблюдать за нами! Да поразят они без жалости всякого, кто нарушит эти приказы! Да будет так. Иэясу.»

Сначала последовали мелкие стычки, после которых Иэясу 3 января 1615 г. приказал начать штурм укреплений «западных» с южной стороны. Войска Маэда Тосицунэ подошли к бастиону Санада перед рассветом и полезли на стену, но люди Санада косили их огнем из аркебуз. На другом участке стены «Красные дьяволы», которыми теперь командовал Ии Наотака, все-таки сумели взобраться на стену и сбить с нее противника. Но когда они ринулись внутрь, то их здесь встретили настолько жестоким ружейным огнем, что «дьяволы» были отбиты с огромными потерями.

Тогда Иэясу приказал окружить замок защитным валом, поставить частокол и приступить к его осаде. Целых три дня его непрерывно обстреливали из орудий, в то время как саперы пытались сделать подкоп под башни внешних укреплений и взорвать их. По незамерзавшей реке Едо курсировал сторожевой корабль, с которого тоже стреляли по замку, но успеха обстрел, так же как и работа минеров, не принес никакого. Да и сама блокада Осаки успеха не имела — незадолго до ее начала в амбары замка было загружено 200000 коку риса, что было только лишь частью общего запаса. Таким образом, чисто теоретически Хидээри мог выдерживать в нем осаду в течение нескольких лет, а уж за это время большинство союзников Токугава, являвшихся таковыми больше по принуждению, нежели по своей собственной воле, конечно же, от него бы отпали. И если бы Хидээри удалось продержаться еще какое-то время, то клан Токугава мог бы вполне потерпеть поражение, прежде всего из-за массового дезертирства, вызванного тяжелыми условиями осады. Источники утверждают, что у Иэясу Токугава под Осакой было около 300 орудий и что бомбардировка из них велась, не прекращаясь ни на минуту. Однако маловероятно, чтобы все эти сотни орудий были европейского образца. Известно, что первые пушки Токугава купил

Стена с внутренней стороны. Вдоль стены - длинная узкая галерея, по которой могли ходить обороняющиеся

Бойницы для обороны

у капитана Уильяма Адамса, приплывшего в Японию накануне битвы при Сэкигахара и ставшего прототипом капитана Блэксорна в популярном телевизионном фильме «Сёгун», снятого по одноименному роману Джеймса Клейвела. Адамс сумел войти в доверие Иэясу, нашедшего английского капитана при встрече «очаровательным собеседником», что открыло дорогу в Японию и другим англичанам, и вскоре глава торговой миссии Ричард Кок осел в Хирадо, Уильям Итон — в Осаке, а Ричард Викэм — в Эдо. Так вот, Викэм в своем письме к Итону в Осаку от 4 июля 1614 года писал, что «капитан Адамс продал Иэясу пушки и боеприпасы», а 5 декабря того же года доносил в письме в Лондон, что тот купил четыре кулеврины и один сакер за 1400 золотых монет и 10 бочек пороха за 180...

Кулеврины эти имели ядра весом 8 кг (17,5 фунтов), а сакер — 2,5 (5,5 фунтов), при дальности стрельбы что-то около 1500-1600 м максимум. 12 орудий Иэясу получил от голландцев, так что вряд ли артиллерия, действовавшая под Осакой, была уж такой многочисленной. Хидээри также имел у себя в крепости пуш-

ки, но Стивен Тернбулл отмечает, что это были уже устаревшие к тому времени казнозарядные португальские орудия, называвшиеся японцами фуранки, и что они не могли соперничать с более современными дульнозарядными пушками Токугава.

Впрочем, артиллерия и у того, и у другого вполне могла быть и более многочисленной за счет сугубо японских пушек, сделанных из дерева. Такие просверленные деревянные стволы, скрепленные сверху ротанговыми жгутами, конечно, не могли стрелять металлическими ядрами, плотно входящими в ствол, и рушить крепостные стены. Но зато японские армии с их помощью стреляли деревянными снарядами, начиненными порохом и маслом, которые вызывали сильные пожары. Кроме того, по атакующей пехоте из них же били картечью, что, в общем-то, тоже давало свой эффект.

Известны японцам были и разрывающиеся снаряды, причем первые фитильные бомбы, наполненные порохом, использовали против них еще монголы во время своих попыток вторжения в Японию. Тогда ужасная новинка вызывала шок, поскольку ни с чем подобным японцы еще не сталкивались, но вскоре они и сами научились применять подобное оружие: бросали начиненные порохом разрывные снаряды в расположение неприятеля при помощи простейших веревочных камнететов китайского образца. Сохранилась прекрасная гравюра японского художника XIV в. Такедзаки, на которой изображен момент взрыва одного из таких «громовых шаров». Видно, как верхняя половина его разлетается осколками, а нижняя все еще продолжает полет, извергая клубы дыма и языки пламени. Известно, что японцы использовали бомбы весом в 71,6 кг, которые они бросали на 200 метров... и можно себе представить с какой ужасающей силой они взрывались!

Внешне такие снаряды имели форму яйца, через которое насквозь проходила трубка с двойным колесиком на одном конце, а на другом — рукоятка, за которую эту бомбу подвозили к метательной машине, что лишний раз указывает, что ее вес, а значит, и заряд пороха, были достаточно велики. Сами метательные машины были очень простыми: простейший рычаг, к короткой стороне которого крепилось множество веревок. Перед выстрелом рычаг отводили назад, в ремennую петлю вкладывали снаряд, после чего прислуга машины хваталась за веревки и по команде бросалась бежать — и этим резко их натягивала. Рычаг камнетета быстро проворачивался, и снаряд летел в цель. Понятно, что эффективность таких машин сильно зависела от физических возможностей людей и их количества. Монголы для этой цели обыкновенно использовали пленных, которых эксплуатировали самым без-

Японский лучник

Осада Осаки. Зимняя кампания 1614-1615 гг.

жалостным образом, а вот в самурайских войсках эту функцию выполняли самураи младших рангов и пехота асигару. Можно

только изумляться слаженности действий всех этих людей, требовавшейся для производства одного выстрела, и всем тем поистине каторжным усилиям, которые при этом затрачивались.

Интересно, что идея деревянных японских пушек впоследствии отнюдь не умерла! В годы Первой мировой войны такие орудия из бревенчатых «колод», прочности ради туго обмотанных стальной проволокой, применяли в германской армии, сильно страдавшей от нехватки траншейных видов оружия для ведения позиционной войны. Самый примитивный лафет, передающий отдачу на грунт, простейшие приспособления для наводки в вертикальной и горизонтальной плоскостях — и вот вам уже простейший миномет или бомбомет для стрельбы на небольшие расстояния по неприятельским окопам. Опять-таки понятно, что плотно входящими в гладкий ствол снарядами эти «минометы» стрелять не могли, но зато в них заряжали обыкновенные цилиндрические банки... из-под мармелада, снабжавшиеся даже не взрывателем, а медленно горящим фитилем! Фитиль поджигали, потом опускали банку в канал ствола и производили из него выстрел. Силы его вполне хватало, чтобы забросить такой вот «снаряд» на расстояние в 100-200 м, а больше и не надо было! И вот примерно так же действовали и деревянные японские «минометы» эпохи Токугава.

Только вот снарядами к ним служили не банки, а пустотелые бамбуковые трубки достаточной толщины.

Кроме артиллерийских орудий стрелки с обеих сторон использовали также тяжелые мушкеты, некоторые из которых отличались феноменальными размерами. Известно, например, самое длинное в Японии ружье трехметровой длины — неудивительно, что из них можно было стрелять даже на расстояние в 1,5 км! Огонь таких стрелков, прятавшихся за стенами и стрелявшими через небольшие, скрытые в их толще амбразуры, был просто убийственным, но вот заряжать их было очень неудобно, и потому огонь их был достаточно редким с обеих сторон.

И надо отметить, что сам Иэясу все это тоже понимал, вот почему после первых же неудачных попыток штурма он попытался подкупить Санада Юкимура. Когда подкуп тоже не удался — Санада рассказал об этом в замке как о признаке слабости Иэясу, — тот обратил свое внимание на мать Хидээри и послал к ней некую даму по имени Ата Цубонэ, чтобы та убедила ее в необходимости начать переговоры о мире. А чтобы сделать ее более податливой, артиллеристы Токугава обстреляли ее женские покои, да так, что одно из пушечных ядер попало в комнату для чайной церемонии и убило двух ее служанок. А несколько дней спустя те же пушкарки попали ядром и в самое святилище, построенное в память Хидээси, где в это время находился его сын, и едва не снесли ему голову!

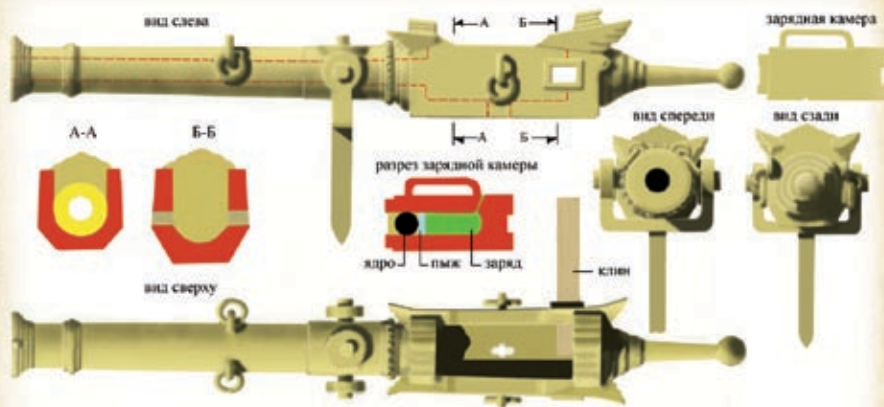
Советники Хидээри доказывали, что коварному Иэясу доверять нельзя, что он однажды уже вел такие же переговоры о сдаче с воинствующими монахами, и что стороны пришли к соглашению, по которому всем принадлежавшим монахам храмам

должен быть возвращен их первоначальный вид. И как же тогда поступил Токугава? Он сжег их, заявив при этом, что «первоначальный вид» — это, вне всякого сомнения, вид зеленых полей, на которых изначально не было никаких храмов. Так что нечто подобное он вполне мог устроить и на этот раз.

Но... в партии Хидээри нашлись и другие советчики, и как бы это ни казалось странным, но мнение испуганной женщины и двух братьев Оно и Ода вопреки очевидности возобладало над здравым смыслом. Мирные предложения Иэясу были обсуждены, приняты и подписаны, причем сам он расписался на них кровью из кончика своего пальца. Всем ронинам, воевавшим на стороне Хидээри, давалось полное прощение, а сам Хидээри получил свободу выбора места жительства по своему усмотрению в обмен на клятву не поднимать восстания против Иэясу. Самое важное из условий, хотя Токугава и его представители упоминали о нем, по крайней мере, три раза, касалось засыпки внешнего, самого глубокого рва, который теперь был вроде бы как уже и не нужен. Но хотя Иэясу и говорил об этом, в окончательный вариант договора этот пункт почему-то включен так и не был, хотя осакская сторона его и признала.

Деревянная пушка со съемной зарядной камерой и простейшим противоткатным устройством

Бронзовая крепостная (осадная) пушка со съемной зарядной камерой

ПОСЛЕДНИЕ ПОДВИГИ САМУРАЕВ

Под стенами Осаки самураи Токугава были уже не те, что раньше, поскольку, скованные железной дисциплиной своего вождя, превратились в самых настоящих солдат. Былые подвиги, впрочем, вызванные не столько вдохновением, сколько отчаянием, там совершали ронины Хидэёри, которым в случае поражения было просто нечего терять. Однако старые традиции так просто не умирают, и вот один из примеров этому...

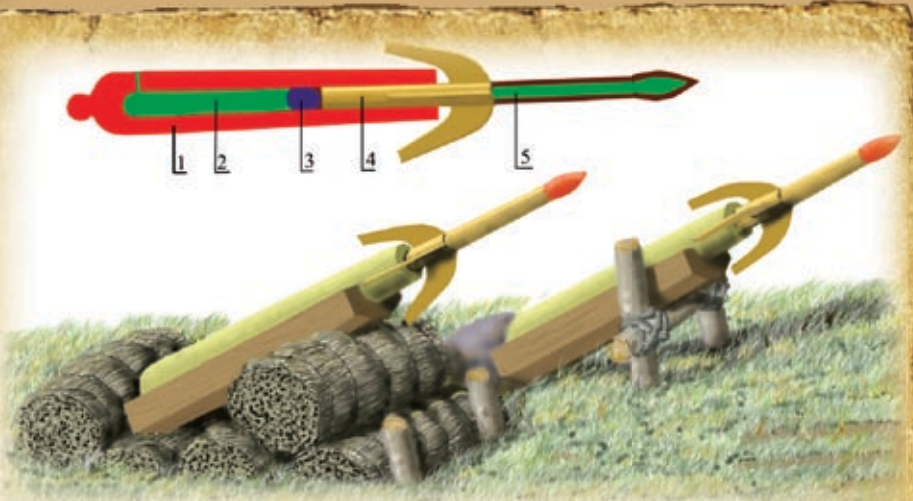
В составе армии Иэясу был самурай по имени Фурута Сигэнари, известный мастер чайной церемонии и храбрый самурай. И вот он как-то раз обходил частокол, окружающий замок. Среди кольев его внимание привлек изящный ствол бамбука, из которого можно было сделать чайную ложку, и он нагнулся, чтобы его срубить. Стрелок из замка отнюдь не дремал и успел прицелиться и выстрелить ему в голову. Пуля попала в назатыльник шлема Сигэнари, однако Фурута остался невозмутим. К изумлению сопровождавших его воинов, он вытащил из-под доспехов пурпурный платок и вытер кровь со щеки, как если бы это была пустяковая царапина!

Уже на следующий день после подписания мирного договора 22 января 1615 г. Иэясу сделал вид, что распускает свою армию. На самом деле он лишь отвел часть войск до ближайшего порта, в то время как основные его силы тут же принялись засыпать внешний ров и разрушать передовую линию укреплений. Сделано это было всего за неделю, после чего солдаты Иэясу тут же начали засыпать уже и второй ров. Представители Осаки выразили протест, однако занимавший этим военачальник ответил им в том смысле, что его офицеры, видимо, «неправильно» поняли отданный им приказ. Теперь уже настала очередь жаловаться Ёдогими, однако пока жалоба и жалобщики ездил туда-сюда, работавшие как черти люди Иэясу успели засыпать и второй ров. А вот о том, чтобы его опять копать, в договоре не было ни слова. Таким образом, всего лишь через 26 дней после начала работ второй ров был уничтожен точно так же, как и первый, причем без единого выстрела, а все укрепления замка сведены к одному единственному рву и стене!

ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ

После того как внешние оборонительные укрепления замка Осака были снесены, Иэясу появился под его стенами уже через три месяца. Теперь ему нужен был лишь предлог — и он, разумеется, нашелся в виде слухов о том, что ронины Осака вернулись назад и вот-вот отправятся грабить столицу. А Хидэёри и в самом деле удалось привлечь под свои знамена больше ронинов, чем всего лишь полгода назад, так что численность его войск достигла 120000 тысяч — на целых 60 тысяч больше того, что было у него во время его неудачной зимней кампании. Причем среди них было опять-таки много христиан. Изображения креста украшали шесть больших знамен, стоявших на стене замка, кроме того, внутри крепости находилось несколько иностранных священников. В то же время, как утверждают японские источники, силы Токугава вполне могли достигать четверти миллиона человек!

Впрочем, единого мнения среди историков о численности войск, сражавшихся возле замка Осака, нет и по сей день. Вышеназванную численность приводит известный английский японист Стивен Тернбулл, тогда как японский историк Мицуо Курэ сообщает, что у Токугава было 120 тысяч против 55-ти у защит-

Ракетные установки. 1 — ствол-направляющая; 2 — пороховой заряд оружия; 3 — пых; 4 — ракета; 5 — пороховой заряд ракеты

ников замка. В любом случае превосходство одной стороны над другой сомнений не вызывает, а это самое главное.

Первыми в наступление на этот раз перешли войска Осака. 28 мая Оно Харифуса повел 2000 солдат в провинцию Ямато, рассчитывая разбивать отдельные отряды Токугава, спешившие к замку, по частям. Но из-за численного превосходства последнего план этот так и не удался, и все наступающие войска Тоётоми в итоге вынуждены были отступить и укрыться за стенами замка, вернее, всего лишь за одной стеной, хотя часть внешнего рва людям Хидэёри и удалось опять раскопать.

На военном совете, собранном 2 июня 1615 г., было решено встретить войска Токугава в открытом поле и дать ему решающее сражение. И вот именно этой битве, которую называют битвой при Тэннодзи (по названию поля, где оно происходило), как раз и суждено было стать тем, за что нередко принимают Сэкигахара — последним сражением столь большого количества самураев в истории страны. План был разработан следующий: Санада, Оно и другие командиры атакуют Токугава по всему фронту, после чего Акаси Морисигэ совершает широкий обход и нападает на него с тыла, а сам Хидэёри наносит фронтальный завершающий удар. Утром 3 июня в соответствии с этим войска «западных» вышли из замка на равнину, в то время как силы Токугава растянулись на ней от реки Хирано вплоть до самого морского берега. По мнению самого Иэясу, эта битва должна была дать практический опыт двум его младшим сыновьям — Ёринобу и Ёсинао.

Сам он на этот раз выступал под простым белым флагом, а главнокомандующим армии назначил своего старшего сына Хидэтада.

Никакого тумана на этот раз не было, не было беспорядка, вызванного плохой видимостью, а был ясный летний день. Дым от фитилей аркебуз поднимался к небу, а обе стороны все стояли и никак не могли решиться начать сражение, пока ронины Мори Кацунага, находившиеся ближе всех к неприятелю, не начали в него стрелять. Санада не желал преждевременного начала битвы (она должна была идти строго по плану, чтобы Акаси успел выйти в тыл войскам Иэясу) и приказал им прекратить огонь, но те лишь удвоили свои усилия, как если бы и вовсе не поняли приказа. Мори тут же обсудил создавшееся положение с Санада, и оба решили, что если уж битва началась, то она должна продолжаться, и следует использовать приподнятое настроение их людей, чтобы атаковать по всему фронту. Мори отдал приказ, его войска двинулись вперед и вскоре прорвали передние ряды армии Токугава. Сам Санада повел самураев против рекрутов из провинции Этидзэн и тоже добился полного успеха, который отчасти был связан с появлением на левом фланге Токугава идущих к нему на помощь частей Асано Нагаакира. Они

были не врагами, а союзниками, однако их неожиданное появление позади атакованного фланга многим очень показалось похожим на «предательство с горы Мацуо», когда Кобаякава атаковал с фланга ряды Западной армии. Крики «Предательство! Предательство!» вновь раздались здесь, точно так же, как и на поле при битве Сэкигахара!

Началась бестолковая и очень опасная рукопашная схватка, больше всего похожая на свалку, в которой побеждала то одна, то другая сторона. Иэясу Токугава был настолько обеспокоен происходящим, что лично принял участие в этом бою, чтобы своим личным примером ободрить солдат своей армии. Считается, что он был тогда даже ранен копьем, прошедшим рядом с почкой. В любом случае то, что такой выдержанный человек, каким являлся Иэясу, вынужден был так поступить, свидетельствует о том, что положение действительно было очень серьезным.

Спас ситуацию молодой военачальник Хонда Тодатомо, который, хотя и был тоже ранен копьем, сумел ободрить своих самураев и вместе с воинами провинции Этидзэн оттеснить Санада и его бойцов. Сам Санада был так измотан, что уже не мог больше сражаться и присел отдохнуть на походный стул. Здесь его и увидел самурай из Восточной армии по имени Нисю Нидзэмон, тут же вызвавший его на поединок. Однако Санада слишком устал, чтобы его принять. Он смог только представиться и снять шлем, после чего Нисю тут же отрубил ему голову.

Весть о смерти столь прославленного воина тут же разлетелась между войсками, и части «западных» начали отступать. Теперь уже Восточная армия двинулась вперед: отряды Ии Таотака и Маэда Тосицукэ, который долго медлил, но теперь принял в битве самое активное участие, а на левом фланге — старый и надежный Датэ Мосамунэ.

Акаси удалось блокировать, благо силы Иэясу это позволяли, а посланное к Хидзэри письмо с требованием выступить немедленно затерялось в дороге. Поэтому, когда он появился со своими солдатами в воротах замка, было уже поздно: превосходящие силы Восточной армии оттеснили гарнизон Осаки к самым его стенам!

Началась ожесточенная схватка возле самых стен, и тут части Восточных сумели прорваться и во внутренний двор. Южные ворота замка пали, и превосходящие силы самураев Токугава устремились внутрь, а гражданские и его прислуга в страхе побежали. Хидзэри отступил в цитадель, но ее принялись обстреливать из орудий, к тому же там начался пожар, который, как сообщает Стивен Тернбулл, устроил повар Хидзэри. Надежды у него уже никакой не осталось, и к утру он и его мать, а также ряд приближенных покончили с собой, сделав сэппуку, а сам замок сгорел до основания. Восьмилетний сын Хидзэри был также обезглавлен, поскольку был последним из Тоётоми и его пощада сохраняла для Токугава угрозу на будущее. Кроме того, были казнены и все ронины, сражавшиеся на стороне его отца, а их головы выставлены вдоль дороги от Киото до Фусими, что самым наглядным образом продемонстрировало всем недовольным силу правительства.

Таким образом, в возрасте семидесяти четырех лет, приняв

Летняя кампания 1615 г.

участие в бесчисленном количестве сражений и схваток, после заговоров и борьбы длиной в целую жизнь, Токугава Иэясу стал полноправным правителем всей Японии. Он умер весной следующего года, передав власть старшему сыну Хидэтада, а всего клан Токугава после этого правил Японией 265 лет вплоть до 1868 года! Что же касается судьбы великолепного осакского замка, то он, пережив самую великую осаду в истории Японии, был вскоре восстановлен по личному указанию ставшего сёгуном Токугава Хидэтада, причем его стена надо рвом должна была вдвое превысить старую. Потом в конце XIX века он вновь пережил большие разрушения, вызванные землетрясением. Сегодня у него полностью восстановлена главная башня, внутри которой расположен великолепный музей, рассказывающий о драматических событиях 1614-1615 гг., а сохранившиеся с тех самых пор рвы и каменные стены представляют обширный исторический комплекс в самом центре современной Осаки. Туристы идут сюда сплошным потоком и обязательно поднимаются на самый верхний ярус главной башни замка. Каждый по-своему представляет себе, что видел и чувствовал молодой Хидзэри, стоявший примерно так же высоко и в этом же месте, когда он смотрел на лагерь своего врага и думал о том, по какому пути пойдет Япония после победы Токугава. Во всяком случае, он не мог не думать о том, почему судьба несправедлива к одним и так благоволит к другим, и самое интересное, что эта тайна истории не раскрыта до сих пор!